

Часть третья

НЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ, НО ОСУЖДАЕМ

Отдельно следует выделить произведения, авторы которых лично не посещали Россию и не встречались с Петром Первым во время его заграничных визитов, но при этом писали о Московии. Отдельно нужно отметить, что их произведения оказывали значительное влияние на общественное мнение Европы и формирование образа Петра Первого.

ВОЛЬТЕР

АНЕКДОТЫ О ЦАРЕ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

В 1748 году один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века Вольтер включил в состав очередного собрания своих сочинений текст, который назвал «Анекдоты о царе Петре Великом» — краткое изложение наиболее примечательных событий жизни великого царя. Отметим, что слово «анекдот» в то время означало некую короткую и интересную историю, не обязательно веселую.

В то время писатель работал над «Историей Российской империи при Петре Великом», которая вышла в свет в двух томах в Женеве, в 1759 и 1763 годах. Мысль написать историю Петра I появилась у Вольтера давно. «История Карла XII» была уже им написана, и успех ее публикации в 1731 году побудил осуществить замысел, который возник в ходе написания биографии «последнего викинга». Как скромно писал он в письме к своему тогдашнему близкому другу кронпринцу Фридриху, будущему великому королю, в своем сочинении он лишь хотел дать «краткое изложение <...> тех полезных начинаний, кои принадлежат царю Петру». Следует, вероятно, лишний раз подчеркнуть, что замысел написать «Историю Российской империи при Петре Великом» не был внушен французскому писателю его почитателями в России, как не был изначально и заказан ему, а возник сам собою, когда Вольтер ознакомился с сочинениями, посвященными русскому царю, противостоявшему в напряженном противоборстве гению шведского монарха, героя другой вольтеровой «Истории». И поэтому как в «анекдотах», так

и в самой «истории» Вольтер изложил собственную точку зрения на российского императора и Россию.

Петр I получил прозвание Великого, потому что предпринимал и свершил весьма великие дела при том, что ни об одном из них ни один из его предшественников в свое время даже не задумывался¹⁷⁶. До воцарения Петра подданные его довольствовались лишь теми простыми ремеслами, коим обучаются по одной только необходимости. Неудивительно поэтому, что привычка имеет толико власти над людьми, и оные не желают того, о чем не имеют ни малейшего понятия; посему-то в таковых обстоятельствах и сама гениальность проявляет себя с таким трудом и легко сходит на нет перед лицом препятствий, а значит, существует немалая вероятность того, что все народы на протяжении многих веков пребывают в грубом невежестве до тех пор, пока не появляются среди них такие, как царь Петр, точнее, в то время, когда должны подобные ему появиться.

Случаю было угодно, чтобы молодой женевец по имени Лефорт оказался в Москве на службе у датского посланника около 1695 года¹⁷⁷. Царю Петру было тогда всего девятнадцать лет¹⁷⁸; он заметил сего женецкого уроженца, который в короткое время выучился русскому языку притом, что говорил почти на всех европейских. Лефорт весьма пришелся по душе государю; он поступил к нему на службу и вскоре стал в изрядно приятельных с царем отношениях. Новый сей любимец не раз давал понять своему государю, что существует иной образ жизни и правления, нежели тот, что к несчастью с давних пор установлен в его обширной империи¹⁷⁹; не будь сего женеца, Россия, быть может, еще оставалась бы варварской страной.

Надобно было родиться с душою воистину великой, чтоб без колебаний выслушивать иноземца, тем самым отбрасывая предубеждения, связанные с собственным

положением и происхождением. Царь понимал, что ему надо заново создавать народ и собственную империю; но вокруг себя он не мог найти решительно никакого содействия. С тех самых пор он возымел намерение покинуть пределы государства и, подобно Прометею, отправиться в поисках небесного огня, дабы с его помощью вдохнуть жизненные силы в своих соотечественников¹⁸⁰. Этот божественный огонь он отправился искать у голландцев, кои за три столетия пред сим так же лишены были подобного же огня, что и московиты¹⁸¹. Однако он не мог осуществить это свое намерение тотчас, как только оно у него появилось. Тогда, в 1696 г., еще надобно было вести войну против турок или, точнее, против татар; и только после того, как он победил их, царь смог отправиться в путешествие ради того, чтобы получить знания обо всех тех науках и ремеслах, кои оставались совершенно неизвестными в России. С тех пор он, государь наипротяженной в свете империи, почти два года провел в Амстердаме и в деревне Саардам под именем Петр Михайлов¹⁸². В Голландии его обыкновенно называли господин Петр (Peterbas). Он распорядился вписать свое имя в список плотников сей деревни, которая поставляла корабли почти во все концы Европы. Там он научился пользоваться топором и компасом; а когда работал в своей мастерской над конструированием кораблей, то изучал еще и географию, геометрию и астрономию. Первое время тамошний народ постоянно толпился вокруг него. Порою он не церемонился прогонять докучливых, но люди, кои редко с пониманием относятся к подобного рода стеснению их воли, переносили такое обращение снисходительно. Первым языком, который он выучил, был голландский¹⁸³; с тех пор он овладел еще и немецким, который казался ему более благозвучным, и он хотел, чтобы на немецком говорили при его дворе¹⁸⁴.

За время своего путешествия в Англию царь лишь до определенной степени освоил и английский¹⁸⁵, но он так

никогда и не узнал французского языка, который впоследствии стал языком Петербурга при императрице Елизавете Петровне, по мере того, как страна усваивала более утонченные нравы.

Ростом Петр был высок, лицо его выражало гордость и величие, но порой оно искажалось конвульсиями, кои портили его черты. Приписывали сей недостаток действию некоего яда, который, по слухам, давала ему Софья¹⁸⁶; но подлинным ядом были на самом деле вино и водка, коим он часто предавался с излишеством, что и оказалось вредоносным для его крепкого сложения¹⁸⁷.

Царь равного тона держался в разговоре и с простым плотником, и с генералом. При этом поступал он не как варвар, который отнюдь не делает различий между людьми, и не как государь, который в видах народного расположения хочет нравиться всем и вся; но как человек, который хочет научиться. Он любил женщин в той же мере, в какой король шведский, соперник его, терпеть их не мог¹⁸⁸, и в любви царь поступал так же, как и за столом. Во время пиршества он склонен был более к тому, чтобы пить много и без всякого разбора, нежели пробовать утонченные вина.

Говорят, что законодатели и короли отнюдь не должны впадать во гнев; но не было среди них вспыльчивее и безжалостнее Петра Великого. Этот недостаток в монархе не из тех, кои стараются исправить; но в конце концов царь признавал за собой сей недостаток и даже говорил одному из голландских магистратов во время своего второго путешествия: «Я преобразовал мой народ, но не могу исправить самого себя». Жестокости, за которые его порицают ныне, были в те времена обычаем уже давно укоренившимся при московском дворе, совсем так же, как и, например, при дворе марокканском. Отнюдь не было чем-то из ряда вон выходящим видеть, как царь собственной

царской рукой отвешивает сотню ударов плетью по обнаженным плечам какого-нибудь первого сановника короны или даже придворной дамы за упущения по службе по причине пьянства, или как он своей саблей сносит голову какому-нибудь преступнику. Ничего удивительного не было в этом, ибо Петр только следовал обычаям своей страны; правда, Лефорт обладал немалым влиянием на него, чтобы останавливать царя порою в ту самую минуту, рука его была уже занесена, чтоб нанести удар; но Лефорт не всегда оказывался рядом с ним.

Путешествие Петра в Голландию и в особенности его все возрастающая склонность к познанию всего сущего несколько смягчили его нрав; ибо в том как раз и состоит преимущество всех этих наук и искусств, чтобы делать людей более снисходительными. Он нередко посещал некоего географа, с которым составлял морские карты. Он проводил целые дни у знаменитого Руиша¹⁸⁹, который был известен тем, что первым открыл способ делать впрыскивания, кои усовершенствовали анатомическую науку и привлекли к ней пристальный интерес. Только в возрасте двадцати трех лет государь¹⁹⁰ стал постигать те знания, в которых какой-нибудь голландский ремесленник стал бы наставлять своего сына, обнаружив в нем хорошие задатки: однако сей род образования был много выше того, каковое когда-либо получали российские цари. В то же время он посылал молодых москвитов путешествовать и постигать науки во все страны Европы. Однако первые сии опыты не были удачны, и пример повелителя не явился примером для подражания со стороны подданных. Был, например, среди этих отправленных для научения один, который, будучи послан в Венецию, ни разу даже не покинул своей комнаты, чтобы не пришлось упрекать себя за то, что вместо России должен был находиться в чуждой ему стране¹⁹¹. Этот страх перед чужбиной был им внушен

московитскими священниками, которые утверждали, что для христианина путешествовать — это страшное преступление, поелику еще, согласно Ветхому Завету, жителям Палестины запрещалось заимствовать обычаи своих соседей, более богатых, нежели они, и тех, кто не упускал свою выгоду¹⁹².

В 1698 г. царь поехал из Амстердама в Англию уже не как корабельный плотник и не в качестве державного государя, но под именем русского боярина, который совершает путешествие с образовательной целью. В Англии он повидал все, что намеревался увидеть, и даже побывал на представлении английской комедии, где он ничего не понял, но завязал знакомство с актрисой по имени Грофт, благосклонностью которой пользовался, но обогатиться которой в этом случае так и не удалось¹⁹³.

Король Вильгельм¹⁹⁴ повелел приуготовить для царя удобный и поместительный дом; в Лондоне таких домов великое множество, чего не скажешь о дворцах, которых в этом огромном городе не так уж много, и большей частью встречаются одни только весьма невзрачные дома без двора и сада, с маленькими дверьми, сродни тем, что у наших лавочек. Но для царя и этот дом оказался слишком хорош; и он поселился в квартале, где жили матросы, дабы лучшим образом усовершенствовать себя в морском деле. Он даже одевался совсем как простые матросы, и более того, облачался в матросский костюм довольно часто, с тем, чтобы привлечь моряков к себе на службу.

Находясь в Лондоне, царь как-то начертал проект сообщения между Волгой и Танаисом¹⁹⁵. Он даже хотел связать их каналом с Двиной, соединив таким образом океан, Черное и Каспийское моря¹⁹⁶. От англичан, которых Петр захватил с собой в Россию, ему было мало пользы в

осуществлении сего великого замысла; а турки, взявшие у него Азов в 1712 г. обратно¹⁹⁷, всеми силами противились сему обширному предприятию.

В Лондоне Петру не хватало денег¹⁹⁸, и английские купцы предложили ему сто тысяч экю в обмен на разрешение ввозить в Россию табак¹⁹⁹. В этой стране табак был немалым новшеством, и церковь в этом деле не осталась в стороне. Патриарх отлучал от церкви всякого, кто курил табак, поелику его курили и турки, исконные враги России; и священство почитало одной из главных своих забот противодействие распространению курения среди русского народа. Царь принял предложенные сто тысяч экю и взялся способствовать тому, чтобы страсти к курению не избежало и само духовенство. Это сословие должно было приготовиться и ко множеству других нововведений.

В Англии такого рода путешественникам короли обыкновенно делают подарки; подарок, сделанный королем Вильгельмом Петру I, являл собой пример обходительности, достойный обоих. Король подарил царю яхту о двадцати пяти пушках, весьма ходкий морской парусник, раззолоченный как престол и груженный разного рода припасами; более того, все члены экипажа изъявили горячее желание остаться и далее на нем служить. На этой яхте Петр, став первым ее штурманом, вернулся в Голландию повидаться со своими плотниками, а оттуда уже, в середине 1698 г., он уехал в Вену²⁰⁰, где, однако, должен был остаться меньше времени, нежели то было в Лондоне, поелику при дворе чопорного Леопольда²⁰¹ ему предстояло выдержать куда более пышных церемоний, узнав неизмеримо менее для себя полезного. После Вены он должен был ехать в Венецию и затем в Рим; но при известии о новой вспышке междоусобия, причиною коего явилось его отсутствие и разрешение курить табак, царь вынужден был поспешно воротиться в Москву. Стрельцов, это

старинное воинство царей, подобное войску янычар²⁰², столь же бесчинных и не приученных к повиновению, но отнюдь не таких же храбрых и не менее того жестоких, подстрекнули к бунту монастырские игумены и монахи, частью греки, частью же русские, которые представляли дело так, что Бог раздражен позволением курить табак в России, и сеяли смятение во всем государстве²⁰³. Между тем, Петр предвидел противодействие со стороны монахов и стрельцов и принял свои меры. В его распоряжении была дисциплинированная, состоявшая почти сплошь из иностранцев армия, содержавшаяся на хорошем жаловании и неплохо вооруженная, армия, которой командовал генерал Гордон²⁰⁴, изрядно смысливший в военном деле и не любивший при этом монахов. Вот чего не доставало султану Осману, который намеревался, как и Петр I, преобразовать янычар, но не мог им ничего противопоставить, так ничего и не добился и был задушен ими²⁰⁵.

С тех пор в царских войсках был введен порядок по примеру армий европейских государей. По повелению царя англичане и голландцы занимались строительством кораблей в Воронеже на Танаисе, в четырехстах лье от Москвы²⁰⁶. Кроме же сего Петр I благоустраивал города, принимал меры к их безопасности, сооружал широкие дороги протяженностью за пятьсот лье, построил разного рода мануфактуры; и — что служит доказательством глубокого невежества, в коем пребывали до сего русские — первой была мануфактура по производству игл²⁰⁷. Ныне же на московских мануфактурах изготавливают разрезной бархат, золотую и серебряную парчу: таковым может быть влияние в стране одного человека, ежели сей человек — государь, который знает, чего хочет.

Война, что вел царь с Карлом XII, дабы вернуть провинции, завоеванные в прежние времена шведами у русских, не помешала ему, как ни злополучна она была по-

началу, продолжать свои преобразования в государств и церкви: в конце 1699 г. он объявил, что отныне Новый год будет начинаться с января месяца, а не с сентября.

Русские, которые полагали до этого, что Бог создал мир в сентябре, были повергнуты в изумление тем, что их царь оказался достаточно могущественным, чтобы привести перемены в то, что установлено было самим Богом. Переустройство сие началось с наступлением нового столетия в 1700 г. и с всеобщего отпущения грехов, согласно определению самого царя²⁰⁸. Петр упразднил достоинство патриарха и сам стал осуществлять патриаршие обязанности²⁰⁹. Но неверно, что царь, как о том говорили, поместил бывшего патриарха на покое в одном из скромных московских домов. Известно, что он имел обыкновение, когда хотел доставить себе удовольствие, говорить тому, кого подвергал наказанию в видах исправления: «С сего дня ты у меня будешь за шута»; тот, кому дадено было славное сие имя, обязан был отныне, будь он и знатнейший из вельмож государства, носить шутовской колпак, куртку с бубенцами и развлекать двор в качестве шута его царского величества. Патриарха на сию должность никогда не назначали; царь удовольствовался тем, что упразднил этот чин, коим те, что бывали им облечены, злоупотребляли до таковой степени, что раз в год вынуждали царей идти пред собою, ведя под уздцы патриархову лошадь²¹⁰ — от участия в сей церемонии такой человек как Петр Великий при первом же случае не мог не освободиться.

Ради обретения большего числа подданных царь пожелал сократить число монахов и повелел, чтобы отныне желающие могли уходить в монастыри только начиная с пятидесяти лет²¹¹; и именно с этих пор в его государстве в сравнении со всеми теми странами, где существовали монастыри, монахов численно было значительно меньше. Но уже после него это семя, каковое, казалось, уже переста-

ло плодоносить, вновь пустило корни благодаря той естественной слабости, что присуща всем монахам в желании умножить число монашествующих, и вследствие другой слабости, на этот раз со стороны правительства, которое терпимо относится к этому.

Впрочем, Петр предписал законы весьма разумные для исправлявших должность священников в церквях и ради исправления их нравов, хотя сам царь вел весьма неупорядоченную жизнь, но был тверд в том, что то, что позволительно монарху, не должно позволяться священнику. Кроме того, известно, что прежде в России женщины всегда жили отдельно от мужчин; и не бывало такого, чтоб девицу, на которой собирался жениться, мужчина мог когда-либо видеть. Он знакомился с нею только в церкви. Среди же свадебных подарков непременно был и изрядный пучок прутьев, который будущий супруг посылал нареченной своей супруге как предуведомление о том, что при первой же провинности наказание со стороны мужа последует незамедлительно; более того, мужья могли безнаказанно убивать своих жен и закапывать в землю тех, кто присваивал себе сие право в отношении собственных мужей.

Петр отменил это наказание розгами и осудил убийство мужьями своих жен; и дабы сделать браки не столь злосчастными и в большей степени совершаемыми по взаимной склонности, он ввел во обыкновение совместную трапезу мужчин и женщин, а также представление женихов невестам перед совершением бракосочетания²¹²; иными словами, он ввел во употребление и упрочил в России все, вплоть до самого общества. Известен регламент, установленный им самим, дабы обязать своих бояр и боярынь их посещать ассамблеи²¹³, где провинности, кои совершались противу русских правил учтивости, наказывались большим стаканом водки, который провинившемуся разом надлежало выпить, так что вся почтенная кампа-

ния, бывшая в ассамблее, возвращалась восвояси изрядно навеселе, что едва ли способствовало смягчению нравов. Однако ж одно то, что некое подобие общества все же возникло там, где прежде об оном вообще не имели никакого понятия, сие уже для того времени было немало. Порою при дворе тогда даже давали драматические представления²¹⁴. Княгиня Наталия²¹⁵, одна из сестер Петра, по-русски писала трагедии, кои весьма сходились с пьесами Шекспира, и где тираны с арлекинами были главными персонажами. Оркестр в то время состоял обыкновенно из русских скрипок, слаженная игра которых достигалась под воздействием плетей. Теперь в Петербурге есть французские комедианты и итальянская опера²¹⁶. Великолепие и вкус ныне во всем пришли на смену былому варварству. Но одним из наиболее трудных предприятий основателя Российского государства было заставить русских укоротить платье и брить бороды. Сие было причиною немалого ропота. Что надобно было сделать, чтобы русский народ привык носить немецкое платье и вдобавок брился? Сего царь добился, поставив у градских ворот портных и брадобреев; первые обрезали полы платья у тех, кто входил в ворота, вторые тут же брили бороды: те же, кто упорствовал и в том, и в другом, должны были платить срок су на наши деньги²¹⁷. Вскоре, однако, уже люди предпочитали расстаться с бородой, нежели с деньгами. Немалую поддержку Петру в сем преобразовании оказали женщины; они явно предпочитали бритые подбородки; царю женщины были тем более обязаны, что теперь их больше не секли, что они жили в одном обществе с мужчинами и могли целовать более благопристойные лица.

Посредь всех этих преобразований, больших и малых, кои служили к увеселению сердца царя, и жестокой войны, которую он вел против Карла XII, в 1704 г. в болотистой местности, где стояла всего лишь одна бедная хижина, Петр заложил основание важного для его страны горо-

да и порта²¹⁸. Сам государь приложил собственные руки к построению первого дома Петербурга; ничто не могло отвлечь царя от исполнения своего замысла: от пределов Астрахани, с берегов Черного и Каспийского морей рабочий люд принужден был стекаться на берега Балтийского моря. Петр привлёк к работам, кои надобно было провести, более ста тысяч человек, и в трудах и лишениях, претерпевавшихся ими, город, наконец, был построен. Строились в то время также порты Архангельска, Астрахани, Азова и Воронежа.

Для осуществления толико великих начинаний, для содержания флота на Балтийском море и ста тысяч солдат регулярных войск у государства в то время было только около двадцати миллионов на наши деньги. Я видел сии расчеты в руках господина, который был посланником в Петербурге²¹⁹. Но плата рабочим людям была, так сказать, вполне соразмерна с наличностью царской казны. Здесь надобно вспомнить, что при строительстве пирамид египетские фараоны платили только за лук. Повторяю, стоит только захотеть, а желание все превозмогает.

Когда народ русский преобразился, царь посчитал, что ему вполне позволяется угодить своему вкусу, женившись на своей любовнице, и последняя удостоилась чести стать его женой. Брак этот публично был заключен в 1712 году²²⁰. Достоправная сия Екатерина сиротою родилась в деревне Ринген в Эстонии²²¹. Ее на милостыню призывали в доме лютеранского пастора Глюка²²², затем она стала женою ливонского солдата и попала в иные руки уже чрез два дня после свадьбы²²³, перешла от услужения генералам Бауэру²²⁴ и Шереметеву²²⁵ в служанки к Меншикову, подмастерью-пирожнику, ставшему князем и первым человеком в государстве; в конце концов она стала супругою Петра Великого и в заключение самодержавной императрицей уже после смерти царя и была достойной

быть таковой. Екатерина во многом способствовала смягчению нрава своего мужа, спасла многие спины от кнута и еще больше голов от топора, чего не успел сделать генерал Лефорт. Ее же любили, и о ней еще долго будут вспоминать. Какой-нибудь немецкий барон, шталмейстер аббата Фульдского²²⁶, и не подумал бы взять в жены Екатерину; но Петру Великому не было особой нужды в тридцати двух поколениях предков, чтоб оценить достоинства супруги. Монархи большей частью полагают, что истинное величие исходит только от них самих, и все пред ними равны. Вполне определено, что по рождению все люди равны между собой, как, например, осленок, отец которого возил на себе навоз, и тот, чей отец возил святые мощи. Великую разницу меж людьми творит воспитание, таланты делают ее очевидной, а фортуна — еще более разительной. Воспитание Екатерины было по крайней мере таким же в доме эстонского священника, что и у московских, и архангельских боярынь, притом, что от рождения она наделена была немалыми талантами и помимо сего еще и возвышенной душой; известно, что она завела порядок в доме генерала Бауэра, а также и в хозяйстве князя Меншикова, и это при том, что она не умела ни читать, ни писать. Тот же, кто умеет вести хозяйство большого дома, тот может и управлять государством; это может показаться парадоксом, но в том же духе порядка, здравого смысла и твердости можно управлять и десятками, и многими тысячами людей.

Сын царя, царевич Алексей, который, говорят, женился, как и отец, на невольнице, и так же, как и он, тайно покинул Россию, не имел, однако ж, успеха, подобного отцовскому, в обоих сих предприятиях; и сыну стоило жизни то, что он дурно подражал отцу; это был один из тех внушавших ужас примеров суровости, каковые когда-либо явились пред взорами людскими с вершины престола: но что весьма достойно памяти императрицы Ека-

терины, это то, что она отнюдь не принимала участия в несчастной участи сына государя, рожденного в другом браке, царевича, который во всем решительно был противоположен отцу; невозможно винить Екатерину в том, что она поступала как жестокая мачеха, важное преступление несчастного Алексея состояло в том, что он оставался чересчур русским человеком и осуждал все, что ни делал его отец великого и бессмертного для славы своего народа. Однажды московиты, которые жаловались на непосильный труд, каковой они должны были прилагать при строительстве Петербурга, слышали из его уст: «Утешьтесь, бытие сего города скоротечно». И когда надобно было следовать за отцом в его разъездах за пятьсот-шестьсот лье, которые Петр не раз предпринимал, царевич часто сказывался больным; болезни, коих на самом деле и не было, подвергались принудительному лечению; врачи же, имевшие стойкую приверженность к горячительным напиткам, больше вредили здравью и умственным способностям. Прежде Алексей, имея склонность к учению, неплохо знал геометрию, историю, учился немецкому языку; но вместе с тем он не любил военное дело, и за это ему больше всего доставалось от отца. Царевича женили на принцессе Вольфенбюттельской, сестре императрицы, жены Карла VI, в 1711 году²²⁷. Но брак этот был несчастным. Принцесса часто оставалась одна по причине пьяной гульбы мужа и из-за того, что тот сблизился с Ефросинией, лифляндской девицей, высокой, хорошо сложенной и мягкой по своему нраву. Существует предположение, что принцесса умерла от тоски, если вообще печаль может явиться причиною смерти, и что затем царевич потаенным образом женился на Ефросинье в 1713 году, когда императрица Екатерина принесла ему братца, с которым он, впрочем, хорошо обходился²²⁸.

Неудовольствия между отцом и сыном становились день ото дня все более серьезными, до того, что Петр, на-

чина с 1716 г., угрожал лишить царевича престола, а тот не раз говорил отцу, что хочет стать монахом.

В 1717 году, исходя из политических видов и из личного любопытства, царь возобновил свои путешествия; наконец он посетил Францию. Что касается его сына, то он, если на самом деле хотел он восстать против отца, и если, действительно, существовала в России партия, созданная в его пользу, то именно тогда настало для него время обнаружить свои намерения; но вместо того, чтобы остаться в России и окружить себя приверженцами, он сам отправился в путь, с немалым трудом достав несколько тысяч дукатов, кои втайне занял. Царевич бросился в объятия императора Карла VI, двоюродного брата покойной своей супруги. Некоторое время в Вене Алексея скрывали под чужим именем; оттуда его перевезли в Неаполь, где он оставался почти целый год, тогда как ни царь, ни кто-либо в России не знали о том, где нашел себе пристанище царевич²²⁹.

В то время, как сын таким образом скрывался, отец находился в Париже, где царя приняли с той же почтительностью, что и в других местах, где он бывал, но также и с учтивостию, каковую он мог встретить только во Франции. Если Петр отправлялся осматривать какую-либо мануфактуру, и там его взоры привлекало какое-нибудь изделие, то уже на следующий день это творение вручалось ему в виде подарка; один раз царь ездил обедать в Петибур к герцогу д'Антэнскому, и первое, что он там увидел, был собственный портрет в рост и в том же самом платье, которое он носил²³⁰. Когда Петр отправлялся обозревать королевский Монетный двор, в его присутствии чеканили все, что ни было ему угодно, и преподносили понравившиеся ему произведения; под конец там для него отчеканили одну медаль, которую нарочно уронили к его ногам, и царю пришлось её поднимать. Петр увидел соб-

ственный портрет, отчеканенный наисовершеннейшим образом с гравированной надписью «Петр Великий». На оборотной стороне медали была изображена Слава и девиз: «Vires accuirit eundo»; аллегория столь же справедливая, как и лестная для государя, воистину умножившего свои достоинства, проводя время в путешествиях²³¹.

Осматривая надгробие на могиле кардинала Ришелье и статую сего министра²³², произведение, достойное того, кого она представляет, царь выказал подлинное чувство восторга и сказал при этом то, что выдавало в нем человека, рожденного быть великим. Поднявшись к надгробию, царь обнял статую Ришелье; «Великий министр, — сказал он, — отчего не родился ты в мое время? Я отдал бы тебе половину моего царства, чтоб ты научил меня управлять оставшейся половиной». Один из присутствовавших, кто испытал при этом на себе меньше восторженного одушевления, нежели царь, после того, как перевели ему эти слова, произнесенные по-русски, отвечал: «Ежели б отдал он таким образом половину своего царства, то и вторую не долго бы удержал своих руках».

Обозрев, таким образом, Францию, где все располагает нравы к терпимости и кротости, царь возвратился на родину, и там вновь вернулся он к привычной суровости. Ему, наконец, удалось склонить своего сына к тому, чтобы покинуть Неаполь и вернуться в Петербург; оттуда молодой царевич был препровожден в Москву к царю, который начал с того, что лишил его права наследования престола и заставил подписать торжественный акт об отречении в конце января 1718 года; и во уважение сего акта отец обещал сыну сохранить ему жизнь²³³.

Вполне вероятно, что договор этот был со временем лишен силы. Между тем царь, с целью сосредоточить в руках своих большую власть, забыл, казалось, о том,

что он — отец, и памятью о себе только как об основателе целой империи, которую его сын мог вновь погрузить в прежнее варварство, повелел объявить во всенародное известие о суде над несчастным царевичем в связи с некоторыми проступками, в коих его упрекали, основываясь на признаниях, каковые прежде еще вырвали у него.

Созванные по этому поводу епископы, монастырские игумены и профессор отыскиали в Ветхом Завете, что те, кто отцов своих и матерей злоречат, должны быть преданы смерти²³⁴; что хотя и правда, что Давид простил сына своего Авессалома, взбунтовавшегося противу него, но правда и то, что Бог не простил его. Таково было их мнение, но оное еще ничего решительно не доказывало, однако ж на самом деле это было равносильно подписанию смертного приговора. На самом деле Алексей никогда не поносил своего отца; также он отнюдь не бунтовал против него как Авессалом; как последний, он никогда публично не спал с наложницами царя²³⁵; правда, он путешествовал без отцовского на то разрешения и писал письма к своим друзьям, из коих ясно было, пожалуй, только одно, а именно, что он надеялся на то, что в России о нем со временем вспомнят. Со всем тем, из ста двадцати четырех светских судей не нашлось ни одного, который не осудил бы царевича на смерть²³⁶; и те, кто не умел писать, поручили другим подписаться за них. В Европе же говорили и часто сообщали в печатных изданиях, что царь повелел перевести с испанского на русский язык уголовный процесс дона Карлоса²³⁷, того несчастного принца, которого Филипп II, его отец, распорядился заключить в тюрьму, где и умер этот наследник великой монархии; но на самом деле не было никакого процесса на доном Карлосом, и не было известно, насильственной или естественной смертью умер этот принц²³⁸. К тому же Петру, самому деспотичному из государей, нужды не было в подобных примерах. Что несомненно, так это то, что его сын царевич умер

в своей постели на следующий день после ареста²³⁹, и это несмотря на то, что у царя в Москве была одна из лучших аптек в Европе. В то же время вероятно, что Алексей, наследник наиобширнейшей из монархий в свете, единодушно осужденный подданными своего отца, которые со временем должны были стать и его подданными, мог умереть от того переворота, который произвел на все его существо приговор столь противоестественный и пагубный. Отец посетил сына, когда тот уже умирал, и, говорят, залился слезами, *infelix utcumque fer-ent ea fata nepotes*²⁴⁰. Но несмотря на эти слезы, царь не пощадил друзей царевича, и колеса, выставлявшиеся при казнях, были утыканы отрубленными частями их тел. Петр повелел отрубить голову своему шурину графу Лопухину, брату своей жены Евдокии Лопухиной, с которой Петр развелся, и дяде царевича Алексея²⁴¹. Таким образом, если нравы Московии и умягчились, то надобно признать, что сие стоило ей весьма дорого.

Жизнь царя, последовавшая вслед за этим, являла собой не что иное, как череду его великих замыслов, трудов и свершений, кои, казалось, изгладили крайние проявления его суровости, каковая до этого, быть может, и была необходимо нужной. В то время он часто выступал с торжественными речами при дворе и в Совете. В одной из таких речей он говорил о том, что пожертвовал своим сыном ради блага государства²⁴².

После славного мира, который он заключил, наконец, со Швецией в 1721 году²⁴³, по которому России были уступлены Ливония, Эстония, Ингермания²⁴⁴, половина Карелии и Выборг, российские сословия преподнесли царю титулование великого, отца отечества и императора²⁴⁵. Сословия были представлены Сенатом, который торжественно поднес Петру эти титулы в присутствии графа фон Кински, посла императора Священной Римской им-

перии²⁴⁶, г-на де Кампредона, французского посланника, а также послов Пруссии и Голландии. Мало-помалу европейские государи привыкли титуловать монархов России достоинством императора; но этот титул не мешает французским послам повсюду предшествовать российским посольским представителям.

Нет никаких сомнений в том, что русские должны взирать на царя как на величайшего из людей. От Балтийского моря до границ с Китаем поставить с ним рядом решительно некого, но долженствует ли и нам к нему также относиться? Может ли он сравниться доблестию со всеми нашими Конде и Вилларами²⁴⁷, а познаниями, умом и благонаравием — со множеством тех людей, кои живут среди нас? Нет; но он был царем и государем, в коем были немалые недостатки образования; а он свершил то, чего, быть может, многие и многие монархи на его месте не свершили б. У него была таковая душевная сила, которая ставит человека выше предрассудков, выше тех, кто его окружает, и всех, кто ему предшествовал: это — зодчий, который строил из кирпича, но при иных обстоятельствах созидал бы из мрамора. Если б он царствовал во Франции, то довел бы ремесла и науки до таковой степени развития, что сие превысило бы все мыслимые ожидания: царю доставило бы изрядное удовольствие, ежели б его флот на Балтике числил в своем составе двадцать пять больших кораблей, и, будь он королем, число их в наших портах возросло бы и до двухсот.

Стоит только окинуть взором, во что превратился в петровское время Петербург, и можно судить о том, чем стал бы при нем Париж. Что же меня поражает больше всего, так это то, как мало надежды мог питать род человеческий на то, что на московской земле мог родиться человек, подобный царю Петру. Можно было б побиться об заклад, равный числу жителей, что во все времена на-

селяли Россию, против одного, что его гений, столь противоположный гению его народа, не снизошел ни на одного русского; и еще можно было б побиться об заклад около шестнадцати миллионов, кои составляли тогда численность российского народа²⁴⁸, и также против одного, что сей жребий природы не выпал бы царю. Тем не менее, имело место то, что произошло. Должно было свершиться немалому числу сочетаний, и протечь множеству веков, прежде чем натура произвела на свет того, кому надлежало вымыслить соху, и того, кому обязаны мы появлением ткацкого челнока. Сегодня русские уже не удивляются своим успехам, они уже по меньшей мере лет пятьдесят как приобщились ко всем ремеслам и наукам. Еще немного, и можно будет сказать, что эти ремесла и науки были у них испокон веков. Это что касается России. Но кроме нее есть на свете еще и другие обширные страны, а именно, в Африке, где у народов тоже есть нужда в своего рода царе Петре; и быть может, чрез миллионы лет он, наконец, придет, поелику для всего на свете рано или поздно наступает свой черед.

Пер. С. Н. Искюля.

Текст воспроизведен по изданию: Вольтер. Анекдоты о царе Петре Великом // Русское прошлое, Книга 10. СПбГУ. СПб. 2006., — С. 10-20.

МНЕНИЕ СОВРЕМЕННИКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ О ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

В 1701 году в Фрайштадте (город на территории современной Австрии) стал выходить периодический листок под заглавием «Geheime Brieffe, so zwischen curieusen Personen ueber notable Sachen der Staats und gelehrten Welt gewechselt worden, bestehend in Zwoelf unterschiedenen Posten, ueber das 1701 Jahr nebenst einem vollkommenen Register. Freystadt.», т.е. «Секретные письма курьезных людей о замечательных предметах политического и ученого мира», состоящий из 12 различных почт, на 1701 год, с приложением полного указателя. Фрейштадт.

Листок этот выходил ежемесячно, и каждый номер назывался «почтой». На каждом номере изображен скачущий верхом на лошади и трубящий в рог почтальон. Номер состоял из нескольких писем и ответов на них, но подписей ни под одним письмом нет. Имен издателя и редактора тоже нигде не означено. К каждому номеру приложен листок с карикатурами, которые объяснены в тексте.

Содержание писем довольно разнообразно: тут и рассуждения об общих и частных политических событиях, и политические новости, и политические эпиграммы, и географические описания (напр. «о прекрасном и плодородном Английском острове Св. Елены»), и астрологические рассуждения (напр. «о том, что великое солнечное затмение уже различным образом обнаружило свое пагубное влияние», или «о продолжительном действии некоторой кометы»), и рассуждения из области естественной истории (напр., о том, «почему у животных самцы красивее самок, а у людей обыкновенно женщины обладают преимуществом в красоте пред мужчинами», или о том

«кто более достоин похвалы за свое пение, соловей или жаворонок»)...

Нам интересны лишь те письма, где идет речь о России.

Письмо 20-е

О поражении Москвитян под Нарвой, и почему они никогда не станут твердой ногой в Лифляндии и не в состоянии будут ничего сделать против Польши

Милостивый государь!

Всякого по справедливости до крайности удивляет поражение москвитян под Нарвой. Такая большая армия, состоявшая более чем из 80,000 человек²⁴⁹, не только не могла после почти девятимесячной осады²⁵⁰ овладеть Нарвой, не особенно сильно укрепленной, но даже, захваченная 20-го ноября врасплох в своем лагере гораздо слабейшим шведским войском под предводительством короля Карла XII, была разбита, и весь лагерь со всею артиллериею из 150 орудий, 30 мортир, весь багаж и 25 обер-офицеров (генералов и других начальников), между коими находился сам генерал-фельдмаршал герцог фон-Крой²⁵¹, достался шведам в плен и добычу. Если бы это были все только одни москвитяне, то никто бы, знакомый с храбростью и военным искусством шведов, этому не удивился; но так как офицеры были большею частию немцы, шотландцы, датчане и из других известных своею храбростью наций, то это еще удивительнее и скорее должно почитаться за дело Божеское, чем человеческое²⁵². По поводу этого происшествия мне пришло много серьезных и замечательных мыслей, между прочим то, что не без основания можно сказать, что это поражение обошлось москвитянам дороже, чем прежняя: потому что они переступили границы, назначенные самим Богом их государству, и поэтому не могут иметь никакой удачи, так как опытом

доказано, что всякому государству самим Богом назначены известные границы, через которые они не могут переступить, какие бы труды и усилия они не употребляли, и если они поступят вопреки божественному определению, то будут наказаны за это стыдом и позором. Это подтверждает и ап. Павел, постигший божеское и человеческое, в Деян. ап., гл. 17, зач. 26, где он пишет: «От одной крови Бог произвел весь род человеческий, для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию». Эти Богом назначенные пределы или границы можно видеть как в древних, так и в новых государствах. Всякий раз, как только ассирияне и персы хотели распространить свои границы за Геллеспонт, они терпели только поражения; для древних римлян такой роковой границей были на востоке — Евфрат, а на западе — Эльба, за которые они тщетно старались распространить свои владения, как об этом можно прочесть у Рихтера в «Аксиомах», стр. 37 и след. Также, когда Тиверий, в правление Августа, осмелился со своими римскими легионами перейти через Эльбу, некий дух в женском образе навел на него ужас и приказал ему возвратиться назад. Ввиду этого предопределения Траян приказал прекратить попытки распространять римские пределы за Евфрат. Подобным же образом доказано, что река Танаис и гора Кавказ были в древности столь же роковыми для всех царей и монархов, и они не могли переступить этих границ. С существующими в настоящее время государствами случилось тоже самое. Почему турки, несмотря на все их могущество и свирепость, не могли утвердиться на западе, за Венгрией, и два раза тщетно осаждали Вену? Потому, отвечаю я, что этого не позволяли Богом назначенные для них границы. Французы до сих пор, после многократных тщетных усилий, не могли утвердиться за Альпами в Италии, и впоследствии исполнить это будет им еще труднее, равно как, с другой стороны, Рейн представляется роковой для них границей относительно Германии.

По всем соображениям, подобною роковою границею представляется Лифляндия и Ливония для московского государства, которого царь властвует далеко на востоке и распространил свою власть над половиной великой азиатской Татарии, на пространствах 500 миль, до огромного государства Китая, как это можно видеть из описания путешествия в Китай русского посланника Избрандта; но на западе, в Лифляндии и Ливонии, московские монархи к течение двух столетий не могли прибрести ни одной мили. В прошлом столетии московский тиран Иван Васильевич какие ни употреблял для этого усилия, но все напрасно; в нынешнем столетии царь Михаил Федорович, дед нынешнего великого князя, думал, что с надлежащего пункта начинает дело, осадив город Ригу в 1656 г.²⁵³, в то время, как шведы впутались в опасную и тяжелую войну с поляками, но должен был со стыдом и позором уйти назад. Точно также и с нынешним предприятием царя не могло быть иначе, потому что он захотел поступить вопреки определению Божию, да еще к тому же против верности и веры, как нарушитель мира; да и впредь не может быть лучше, если он не запомнит этого определения и не обратит своей от Бога полученной власти с большим правом в другую сторону, против турок и татар. За сим остаюсь и проч. N. 6 Января 1701 года.

Письмо 22-е

О том, что осада и освобождение Нарвы во многом похожи на осаду Вены турками и что победа шведов в некоторых отношениях важнее для христиан победы их под Веною

Милостивый государь!

Осада Вены турками в 1683 и блестящая победа христиан, которую они одержали при ее освобождении, есть, без сомнения, одно из самых замечательных событий этого века и одна из самых достохвальных побед христиан,

какую только они одерживали в течение долгого времени над своими исконными врагами. Эта осада Вены и победа христиан под ее стенами во многом похожи, по моему мнению, на осаду Нарвы москвитянами и на победу над ними шведов при ее освобождении; только шведская победа еще важнее. Вена была тогда оплотом христианства против турок; тем же самым служит Нарва в Лифляндии с шведской стороны против Москвы. Турки были убеждены, что если они овладеют Веной, то вся Германия будет лежать у их ног, вследствие чего они и тот, и другой раз употребляли все усилия, хотя и напрасно, чтобы овладеть этим городом. Москвитяне не менее убеждены, что от завоевания крепости Нарвы зависит обладание всей Лифляндией и даже более, вследствие чего они и прежде, и теперь, предполагая, что выбрали самое удобное время, тщетно нападали на этот город. Турки нарушили мир с императором из-за самого ничтожного предлога; подобное же сделали и москвитяне, нарушив мир, который они незадолго перед тем утвердили большим посольством к шведскому королю. Спасение обоих осажденных городов зависело от храбрости освобождавших; оба города были осаждены огромными армиями, из которых турецкая состояла из 200,000, а московская — более чем из 80,000 человек. Турецкою армиею предводительствовал великий визирь, между тем как султан находился поблизости, в Белграде; московскою армиею предводительствовал сам царь²⁵⁴; в обоих местах был употреблен в дело сильный огонь. Как христиане под Веной, полагаясь на свое правое дело, с веселием и необычайной храбростью напали на турок, точно также и шведский король не испугался великой опасности, но сказал, что он надеется на свое правое дело, полагается на Бога и готов подвергнуть опасности свою жизнь за благо своих подданных: Бог скорее поможет при малочисленности сил, чем при их многочисленности. Наконец, еще и в том сходны оба осажденные города, что оба имели храбрых комендантов: Вена — графа Штаренберга, Нарва — графа Горна, и оба храбро выдержали осаду.

До сих пор обе осады были одинаковы; но в их освобождении и в одержанных при этом победах заключается та разница, что турецкая армия не обезопасила себя укреплениями, а московская защитила себя хорошими ретраншементами. Турецкая армия состояла из одних только турок, и поэтому христианам легче было рассеять этих варваров, не могущих твердо стоять в сражении и обратиться в бегство; между тем как московская армия имела настоящих христианских обер-офицеров, опытных в войне и умевших противопоставлять неприятелю острие своего оружия. Христианское войско под Веной состояло более чем из 60,000 человек, шведское же едва из 25,000²⁵⁵. Под Веной христиане овладели почти всем турецким лагерем, Турецкую же армию обратили в бегство; под Нарвою шведы захватили не только весь осковский лагерь, состоявший из артиллерии, амуниции, провианта и багажа, но, вместе с тем, со всем генералитетом, большею частию обер и унтер-офицеров и почти всю армию положили на месте больше 20,000 человек. Итак, как эта только что начатая московско-шведская война похожа по своему началу на бывшую турецко-венгерскую, то желательно, чтобы она не была похожа на нее по продолжительности и кровопролитию, но скорее пришла бы к своему окончанию... 9-го Января 1701 года.

Письмо 24-е

О том, что в предпринимаемой войне весьма много значит, имеет ли государь счастливых или несчастливых генералов; также о том, какое значение имеют в сражениях *justiciae causae* (оправдательные причины), и когда сам государь должен принимать участие в военных предприятиях

Милостивый государь!

Эти примечаемые при освобождении шведами Нарвы необыкновенные обстоятельства навели меня, в свою

очередь, на некоторые размышления, так что я почти готов сказать, что поражению москвитян немало способствовала замеченная неудача на войне герцога фон Крои как генерал-фельдмаршала, и я могу этого все-таки храброго человека присоединить к числу несчастливых генералов. В 1690 г., когда турки осаждали Белград, был он послан его императорским величеством в этот город, в котором, впрочем, был комендантом генерал Аспермонт; но когда этот город, несмотря на все свое сопротивление, был взят штурмом турками, герцог фон Крои, вместе с немногими оставшимися, едва успел спастись на судах. В 1693 г. императорские войска решились, под начальством помянутого герцога, снова завоевать Белград, но принуждены были при приближении турецкого войска со стыдом отступить. Таким образом, этот все-таки храбрый князь есть один из несчастливых генералов нашего века и может быть сравнен с покойным князем фон Вальдеком, тоже отличавшимся замечательными военными неудачами, как это показывают примеры, бывшие с ним во время польских и нидерландских войн. И как, с одной стороны, весьма много значит, чтобы государь, предпринимая войну, имел счастливых генералов, так, с другой стороны, весьма опасно, если по Божьей воле его постигнет неудача.

Далее я приметил, что для офицеров и простых солдат имеет большое значение справедливость войны, которую они ведут. Мудро сказал языческий поэт:

Frangit et attolit vires in milite causa,
Quae nisi justa subest, excutit arma pudor²⁵⁶.

И нигде яснее не обнаружилась справедливость этого изречения, как при освобождении шведами города Нарвы. Шведский король, несмотря на все убеждения императорского и французского посланников, с неописанною храбростию решился на освобождение (Нарвы), сказав,

что он полагается на свое правое дело и надеется на Бога, после чего обратился к своему войску с решительным вопросом: хотят ли они вместе с ним положить жизнь свою в предстоящем сражении, и когда они отвечали на это утвердительно, он двинулся со своим несравненным войском вперед и напал на огромное и занимавшее выгодную позицию московское войско, окончательно струсившее и растерявшееся, и при всеобщем смятении разбил его и захватил в плен, так что к нему очень хорошо можно применить победное изречение Юлия Цезаря: *Veni, vidi, vici*²⁵⁷. Одержанная им победа ясно выразилась в его боевом истинно христианском возгласе: «С помощью Христа!», так что здесь исполнилось то, что говорит Липсич: *altus animus Deoque fesus per obstantes catervas explicuit sua victor arma*²⁵⁸....

Наконец, должно считать большою мудростью со стороны этого юного короля (Карла XII) и то, что он сам лично предпринял освобождение Нарвы и не поручил этого дела кому-либо из своих генералов, потому что в делах первостепенной важности, каковым было это освобождение, крайне необходимо присутствие верховного главы или князя; и если бы сражение было проиграно, то Нарва, и даже, без сомнения, нечто и большее, были бы потеряны, тогда как теперь дело приняло совсем другой оборот: ибо московское войско совершенно разбито. Но было бы иначе, если бы освобождение не удалось, или неприятель был бы принужден только отступить. Победа эта, при которой столько офицеров попало в плен, похожа на ту, которую одержало баварское войско над французско-веймарскою армиею при Дютлингене, в 1643 году, потому что тогда попали в плен главнокомандующий веймарскою армиею генерал-лейтенант Ранцау, четыре фельдмаршала, генерал-майор Шёнбах, 7 обер-офицеров, 7 обер-лейтенантов, 4 майора, 90 капитанов и ритмейстеров, 98 лейтенантов, 52 фендриха и корнета.

Таким образом, можно сказать, что под Нарвой остался цвет московского войска, и впредь, если захотят изобразить несчастную осаду, то будут называть ее нарвскою, а про потерпевшего поражение будут говорить, что с ним случилось тоже, что с москвитянами под Нарвой. 12 Января 1701 года.

Письмо 34-е

Ответ на предыдущее и о том, что понесенное московским царем поражение есть Божие наказание за его высокомерие и дерзость, порожденные в нем сопровождавшим его до сих пор счастьем.

Милостивый государь!

В полученном мною 24-го числа сего месяца письме справедливо сказано, что высокомерие и самоуверенность суть такие пороки, которые могут, говоря вообще, человека повергнуть с высоты счастья в величайшее несчастье. Высокомерие предшествует падению, и люди, ослепленные высокомерием и надменностью, могут пренебрегать предусмотрительностью, необходимою во всех человеческих поступках, и если они от природы одарены необходимым разумом, то пренебрегают им и считают его лишним, а неприятеля считают незаслуживающим большего внимания. Это доказывают бесчисленные примеры древней и новой истории.

(В пример приведено презрительное отношение персов к Александру Македонскому и австрийцев к шведам в 30-ти-летнюю войну, печально окончившееся для тех и других).

Самый же новый пример, что высокомерие и самоуверенность порождают несчастье, представляет теперешний царь, который успел приобрести себе великую в свете славу, победив во многих сражениях татар и завое-

вав у них большую область, также покорив турецкую крепость Азов и распространив свои владения от Белого до Черного моря. Но когда он сделался от такого ласкательства счастья высокомерным и рассердился на еще юного шведского короля, как будто сей последний должен был переносить все, что бы царь ему ни сделал, то и счастье его претерпело столь сильный переворот, и этот храбрый король (т. е. Карл XII) доказал, что не всегда верх остается за старшим²⁵⁹, и что борода делает мужа, но не делает героя, главный двигатель которого есть сердце, скрытое в груди, которое можно познать только из прекрасных дел. Наступившее для царя несчастье происходит также и от его жестокости, которую он обнаружил в казнях, когда он, два года назад, велел казнить несколько тысяч подданных, обвиненных в бунте, из которых несколько сот умертвил сам как палач. Этим он еще больше отвратил от себя сердца своих подданных. За подобные жестокости были изгнаны Дионисий, против Калигулы, Нерона, Домициана и многих других было поднято оружие. Трагик Сенека справедливо сказал: *violenta imperia, nemo tenuit diu, moderata durant*. Царь мог иметь перед глазами примеры древних и новых тиранов, жестокость которых повсюду доводила их до позорного конца. В этом случае мне никогда не нравились извинения, подобные тому, что царю приходится иметь дело с народом, который только подобными мерами может быть удержан в повиновении; подобные объяснения ничего не значут.

(Здесь автор письма приводит подходящие цитаты из Сенеки и Тацита).

Поэтому царь находится в опасности потерять свою репутацию в делах с внешними врагами и свое царство и жизнь в делах с внутренними. Однако я ему этого не желаю, но, напротив, желаю, чтоб он был в лучших обстоятельствах и, вместе с тем был счастливее. 26 января 1701 г.

Письмо 56-е

О том, что москвитяне, из политических видов, скрывают свои великие потери под Нарвой и стараются их умалить; однако скорее следует верить не им, а шведам

После общих рассуждений о том, что «частью из стыда, частью из политических расчетов, чтобы не особенно смутить союзников, а также и подданных, потери в сражениях представляются всегда в гораздо меньшем виде, чем были в действительности», о русских говорится следующее.

Москвитяне, хорошо умеющие разглагольствовать о своих делах, не противоречат своим природным качествам, когда уменьшают понесенные ими потери; но я полагаю, что для них было еще постыднее, что они, без большой потери людей, бросили весь лагерь и, как малодушные трусы, допустили уничтожить свою и своего царя репутацию, тем более, что с шведской стороны с большими клятвами стараются уверить, что шведов, овладевших лагерем, было не более 9.000 человек. И так как московское войско, свыше 80.000, находилось в укрепленном лагере, под предводительством храбрых иностранных офицеров, разрушение же моста лишило их возможности бежать, и они позволили разбить себя и целиком захватить в плен 9.000, то я не могу понять, как могут москвитяне утверждать, без великого для себя стыда и позора, что с их стороны пало не более 4.000 человек, когда даже шведы доводят свою потерю до 3.000 человек.

Что же касается до того, вследствие каких побуждений католическое духовенство завидует блестящей победе шведов, о чем находится известие в сообщении из Регенсбурга, то тут действует или ненависть к протестантской религии, или старинная злоба после немецкой (30-летней) войны. Несколько дней тому назад появился здесь один

францисканский монах, вздумавший открыто говорить, что шведы, если бы они были честные люди, не должны были нападать на москвитян с тылу, но должны были бы, как честные солдаты, сойтись с ними лицом к лицу, и что крестьянин, проведший короля в тыл русского лагеря, был не человек, а воплощенный дьявол, нагнавший шведов на русских.

Далее идет молитва, сложенная католиками против лютеран, в которой первые просят у Божьей Матери защиты «от этих бранденбургских церберов» и «английских нехристей».

Письмо 107

О полезном намерении датского короля учредить постоянное земское ополчение

В Москве в случае войны сельский народ сгоняется как скот, и бояре или дворяне должны по повелению царя являться на конях; но так как это народ неопытный и к войне не склонный, то и заслуживает, по большей части, плохую славу в этом деле.

Далее говорится о войске турецком и венгерском. Про венгров автор говорит, что это «воинственный, храбрый народ, тогда как москвитяне, напротив, представили в прошлом году под Нарвой плохое доказательство своей храбрости».

Пер. Ф. Вестберга.

Текст воспроизведен по изданию: Отзывы иностранцев-современников о Великой Северной войне // Русский архив, № 1. 1896